

Н.Ю. Беляев

(научный руководитель Б.Г. Соколов)

«МЕХАНИЦИЗМ». К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Российский философ А.Ю. Грязнов в своей статье «Абсолютное пространство как идея чистого разума» показывает, что для построения теории движения физических тел, т.е. той самой классической механики, которую создал Исаак Ньютон, «физику не нужно иметь дело с чувственно наблюдаемыми телами. Ему следует, применяя принцип достаточного основания, принцип причинности и интуицию пространства и времени, рассмотреть абстрактные тела, которым необходимо приписать абсолютные скорости (и ускорения) относительно формы внешнего созерцания, в пределе расширенной до бесконечности, т.е. относительно абсолютного пространства, являющейся одной из идей чистого разума» [Грязнов А.Ю. Абсолютное пространство как идея чистого разума // Вопросы философии. 2004, № 2. С.146].

В известном смысле мы поступим теперь аналогичным образом и тоже рассмотрим абстрактную модель, только предметом нашего рассмотрения будут такие абстракции как мир, событийность, объект и субъект, т.е. именно те «интуиции», которые в силу своей предельной общности выступают в нашем сознании как «очевидности». При этом нас будут интересовать: 1) мир в его целом; 2) вещь; 3) субъект (в трех аспектах: а) как человеческий субъект вообще, б) как разумный индивид и часть общества, в) как познающий субъект); 4) отношение субъекта и объекта (познавательное и деятельное); 5) самые общие свойства этих феноменов (структура, событийность).

Чтобы определить главную «интуицию», посредством которой мы будем выстраивать эту модель, обратимся к высказыванию немецкого философа К. Хюбнера в его книге «Истина мифа» о «ряде резких различений», которые содержатся в онтологических основаниях естественных наук: «Материальные и идеальные предметы разводятся между собой, единичные предметы отделяются от их понятий и пространственно-временной среды, в которой они находятся. Все это отделяется, далее, от законов природы... предполагается, что связанные этими законами предметы изначально отделены друг от друга... И наконец, целое отделяется от части в том смысле, что часть представляет собой предмет, существующий вне целого и сам по себе» [Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С.88-89].

Все эти «резкие различения» подпадают под гегелевское определение *механического*. Однако для построения «механистической» модели мира мы выберем не само это определение, а некоторое его обобщение, которое будет носить к тому же не логический, а деятельный характер, т.е. главной «интуицией» для построения «механистической» модели мира мы возьмем *деятельное отношение абсолютного обособления*, поскольку, на наш взгляд, деятельное отношение содержательно несколько богаче логического аналога. Сразу можно заметить, что это отношение допускает два способа реализации – пассивный (когда вещи рядоположены как взаимно безучастные) и активный (когда вещи обособляются сами по себе и из себя). Исторически реализованы обе возможности. В первом случае, однако, с самых первых шагов возникает необходимость в мировом деятельном субъекте, который, как мы увидим, необходимо должен носить *трансцендентный* характер. Мы будем именовать его мировым трансцендентным субъектом (вообще говоря, это не обязательно Бог, который, в свою очередь, не обязательно трансцендентен, и желая показать, что речь идет не о трансцендентном Боге, мы в таких случаях будем говорить «высший мировой субъект» или просто «Бог»). *Абсолютный* характер обособления является необходимым условием: все вещи в той или иной мере обособлены (иначе их попросту не было бы как *особенного*), но из этого еще не вытекает механический характер их отношений, – и только абсолютное обособление делает последние таковыми.

Отношение абсолютного обособления можно обозначить как следующее простое требование: **всякое явление, каково бы оно ни было по видимости или по существу, следует полагать абсолютно обособленным (отчужденным) от всего иного и неизменным (тождественным себе во времени)**. Вообще говоря, второе из первого вытекает необходимо, но не только и не столько как следствие формально-логическое, а в силу действительной внутренней логики «механистического» мышления, поэтому мы выдвигаем *одно* свойство модели, но не ставим между двумя входящими в него частями слово «следовательно». Иными словами, в такой модели мира явления будут выступать как безучастные друг другу или взаимно отчужденные и отчуждающиеся, статичные и неизменно самотождественные, не связанные друг с другом никак или, во всяком случае, не связанные необходимо, но только внешним образом, даже если составляют нечто одно или происходят из одного основания.

При рассмотрении «механистической» модели мира мы сознательно не будем обращать внимание на возникающие в процессе описания сходства с теми или иными концепциями, играющими существенную роль в философии или входящими в основы фундаментальной науки. Соответственно, не будем ссылаться на конкретные предметные области, приводить доказательный материал и вообще выполнять необходимую в таких случаях работу, поскольку это чрезвычайно загромодило бы изложение и лишило модель ясности и обозримости.

Мы не будем также строить *непротиворечивую* модель, т.е. тщательно прорабатывать все элементы структуры и разрешать возникающие противоречия, поскольку 1) «механистическое» мышление сплошь и рядом останавливается на самых первых представлениях, возникающих из деятельного отношения абсолютного обособления и первых противоречиях, к которым оно приводит, предпочитая не столько разрешать эти противоречия, сколько переходить к иным вариантам реализации отношения; 2) выраженность «механицизма» в мышлении различных исследователей и его индивидуальные особенности и оттенки составляют широчайший спектр и по большей части их основы весьма случайны (см. цитированную книгу

К. Хюбнера), однако сколь бы «мягкий» характер «механицизм» в мышлении ни имел, он необходимо выступает как онтологическое основание этого мышления. Таким образом, нас интересует только общий смысл механического мира и его основные логические выражения.

А) Мир

Из требования абсолютного обособления ясно, что мир в нашей модели не может быть чем-то одним, ибо в таком случае все вещи в нем будут связаны, что невозможно, т.к. последние по определению должны быть абсолютно обособлены друг от друга. Следовательно, мир есть простая, или механическая, сумма вещей. *Место*, где пребывает эта сумма вещей, т.е. пространство, необходимо должно быть пустотой, которая должна быть пустой буквально, без всяких оговорок и ограничений, т.е. *абсолютной пустотой* (чистой протяженностью). В самом деле, пространство не должно иметь свойств, которые препятствовали бы абсолютной обособленности каждой пребывающей в нем вещи или, того хуже, связывали бы вещи друг с другом, и этому требованию наилучшим образом удовлетворяет как раз пустота как то, что не обладает никакими свойствами кроме протяженности. К тому же *наличие* пустоты между вещами есть лучшее свидетельство абсолютной обособленности последних. С другой стороны, пространство также должно быть абсолютно обособлено от всего – как таковое, а не только вследствие обособленности вещей: именно в силу того, что пространство есть пустота, оно не связано ни с чем никаким образом и, следовательно, абсолютно обособлено. Для полноты картины прибавим *время* как модус событийности мира, которое также должно быть абсолютно обособлено от всего, т.е., подобно пространству, быть пустотой, – так сказать, отчужденным соприсутствием событийности.

В отношении пустоты как таковой интересно отметить следующее. Поскольку все протяженное и длящееся делимо и поскольку мы имеем дело с механическими протяженностью и длительностью, то они необходимо есть сумма никак не связанных между собой точек и моментов, если, конечно, не принимать за связь внешнюю последовательность (формальную рядоположенность). Из всего сказанного необходимым образом вытекает, что вещи и события как абсолютно обособленные объекты, не находящиеся ни в каких отношениях друг с другом кроме отношения абсолютного обособления, в том числе не находятся и не могут находиться в отношении причины, следствия и родства, но просто механически рядоположены в пространстве и времени.

Можно было бы поставить вопрос о том, пассивным или активным образом обособлены точки пространства и моменты времени. В данном случае, однако, т.е. применительно к пустоте, вопрос этот не имеет смысла, т.к. эти точки и моменты не являются телами, но есть сугубо умозрительные объекты, поскольку пустота, чтобы быть действительной пустотой, должна быть делима до бесконечности (см. математическое понятие *бесконечно малого*). Кроме того, представление о наличии между точками пространства и моментами времени каких-то определенных границ или, скажем, сил взаимного отталкивания нарушило бы пустоту пустоты.

Б) Вещь

Также вполне понятен характер абсолютно обособленной и неизменной вещи, каковая должна быть не связана ни с чем никаким образом, безучастна, отчуждена, отграничена, самостоительна и самодостаточна – т.е. необходимо должна быть *телом*.

Однако в связи с протяженностью тела, а значит, его делимостью, возникает проблема *целого*, которая, очевидно, состоит в том, что протяженное механическое тело *невозможно*. В самом деле. Если тело имеет протяженность, то оно делимо, а значит, оно есть составное тело. Но *части* его также есть абсолютно обособленные, никак не связанные между собой тела, которые в силу своей протяженности также делимы, и так далее до бесконечности. Иными словами, протяженное тело не может возникнуть и существовать как целое, поскольку его части никак не могут быть связаны между собой и бесконечно распадаются, так что «в пределе» тело исчезает и обращается в *ничто*, в сущности – в пустоту. Таким образом, возможно лишь точечное тело, или материальная точка, т.е. такое, которое не имеет протяженности, и поэтому, как мы уже сказали, близкое к ничто, к пустоте. Единственное, что может отличать его от действительной пустоты (парадоксальным образом имеющей лишь одно свойство, в принципе отсутствующее у материальной точки, – свойство протяженности), – это наличие у него каких угодно *свойств*: массы, твердости, цвета и пр. Иначе говоря, наличие свойств у точечного тела есть онтологическая необходимость. Назовем такое тело элементарным.

Таким образом, следует отыскать причину существования протяженных тел – *силу*, которая удерживает их части вместе и тем самым создает эти тела. Очевидно, что все сказанное о протяженных телах равным образом относится и к системам тел, каковые отличаются от тел только тем, что составляют одно не вещественно, не осязаемым образом, но неким другим, как, например, газ, планетарная система, популяция организмов, человеческое общество. Понятно, что и в случае системы тел должно выполняться требование абсолютного обособления, т.е. тела, составляющие систему, должны быть абсолютно обособлены и неизменны.

В) Целое и часть

Из двух способов реализации отношения абсолютного обособления вытекают два решения поставленного вопроса: сила, скрепляющая тела и системы тел в целое, может иметь либо внешнее происхождение, либо внутреннее.

Первое решение является с «механистической» точки зрения наиболее удовлетворительным, но может быть реализовано только при условии, что эта притягивающая сила имеет *трансцендентный* характер, т.е. находится вне пространства, вне мира. В противном случае она должна была бы находиться в пустоте, но тогда последняя перестала бы быть пустотой, что, очевидно, недопустимо ни при каких условиях.

Второе решение (порождение связывающих сил самими элементарными телами) существенно хуже, ибо противоречит требованию абсолютной обособленности вещей. С другой стороны, здесь можно найти некоторое «оправдание». Действительно, как мы уже говорили, наличие свойств у элементарного тела (точки) есть онтологическая необходимость. Следовательно, спрашивать о сущности и причине элементарного тела, о сущности и причине его элементарных свойств – то же самое, что спрашивать о существовании этого тела как такового: поскольку оно элементарно, его сущность как раз и только и состоит в его элементарности и наборе элементарных свойств. Иными словами, элементарное тело само есть причина и основание себя (субстанция), ибо если это не так, то оно уже не элементарно. И здесь мы подходим к краю существования, за который не можем заглянуть в принципе, а значит, силы притяжения и причина их существования трансцендентны и непознаваемы. При этом негативные последствия введения сил притяжения мы можем по своему произволу компенсировать теми или иными «ужесточающими» требованиями: абсолютной твердости и непроницаемости элементарных тел, абсолютной неизменности возникающих из их соединения протяженных тел и систем и т.п. И, наконец, если уж без этих связывающих сил невозможно обойтись, то они во всяком случае должны быть строго механическими (обособленными, отчужденными, неизменными), а значит, механически суммируемыми (как и все прочие свойства тела или системы).

Из всего сказанного в пунктах Б и В вытекают два важных следствия.

Первое. Поскольку всякое тело или система тел есть совокупность абсолютно обособленных и неизменных тел, то все без изъятия свойства этой совокупности необходимо есть механическая сумма свойств составляющих ее частей, ибо кроме этих частей с их свойствами и пустоты, которая в той или иной мере между этими частями быть должна, в теле или системе тел ничего нет. Отсюда следует, что *сущностными* свойствами тела и системы, т.е. свойствами, которые выступают как их первичные причины и источники активности, могут быть только свойства их частей.

Второе. Поскольку всякое тело или система тел абсолютно обособлены от всего другого, а равным образом и их свойства абсолютно обособлены и принадлежат только им, то ничто не преодолевает этого обособления ни извне, ни изнутри и, таким образом, тело или система, будучи механической суммой абсолютно обособленных и самотождественных частей, всегда остаются неизменными по своему составу и набору свойств и тождественными себе по определению. Следовательно, механическое тело или система тел *не могут содержать в самих себе потенциал к самоизменению*.

Г) Событийность

Несомненно, мир и все вещи в нем движутся и меняются, т.е. миру присуща событийность. Из требования неизменности вещей, однако, следует, что событийность в «механистической» модели мира должна носить такой характер, который каким-то образом не нарушает неизменности и мира в целом, и вещей. Рассмотрим в связи с этим некоторые особенности механического движения и изменения, принимая во внимание то обстоятельство, что два способа реализации отношения абсолютного обособления предполагают как пассивные, так и активные формы событийности.

Г1) Движение

Поскольку мир есть сумма пребывающих в пустоте вещей, следует предположить, что движение присуще именно вещам, ибо пустота как пустота не может ни двигаться, ни быть неподвижной. Обсудим свойства этого движения. Поскольку пустота равно пуста во всякой своей точке и равно независима от всякой пребывающей в ней вещи, то последние могут двигаться только относительно друг друга и невозможно выбрать ни одну из них, о которой можно было бы сказать, что она движется или неподвижна сама по себе, объективно. Иными словами, движение как таковое наличествует, но оно не присуще каждой вещи как атрибут, но только как акциденция, зависящая, к тому же, от произвола наблюдателя (относительно чего?).

Сверх того, если *для простоты усмотрения* мы будем понимать абсолютно обособленную вещь как абсолютно упругий шар (точку), то легко заметим, что в результате столкновений вещей и действующих между ними упругих сил движение передается от вещи к вещи, т.е. всякая вещь может утрачивать или приобретать движение относительно других вещей. Между тем ясно, что поскольку вещи движутся в независимой от них абсолютной пустоте, то никакое даже самое малое движение не может никуда исчезнуть, но может быть лишь передано от одной вещи к другой. Следовательно, общее количество движения в мире неизменно. Таким образом, движение есть некоторое количественное, отнимаемое от вещей и прибавляемое к ним, но проявляющееся только во взаимном поведении вещей – относительном движении и столкновениях – свойство мира.

На первый взгляд, очевидно, что любое перемещение хотя бы одной из вещей есть некоторое изменение мира, и точно так же перемещение хотя бы одной из частей системы есть изменение системы. В связи с этим естественно предположить, что свойства вещей определяются «взаимным расположением частей», а изменение этого взаимного расположения приводит, соответственно, к изменению вещей. Отсюда можно сделать вывод, что движение и есть изменение или, во всяком случае, один из типов изменения. Зададимся,

однако, вопросом: является ли движение *действительным* изменением вещей и мира? Рассмотрим три примера.

1) Совокупность несвязанных тел (газ). Все молекулы газа непрерывно движутся, непрерывно обмениваются движением, изменяя при этом направление и скорость движения. Между тем весьма затруднительно утверждать, что в результате этого движения качественные и количественные свойства и признаки газа изменяются хотя бы в каком-то отношении. Следовательно, взаимное движение несвязанных (независимых) тел не приводит к изменению совокупности этих тел как некоторой качественной и количественной определенности, т.е. никаким образом не нарушает ее самотождественности во времени.

2) Совокупность динамически связанных тел (Солнечная система). Несомненно, все тела, входящие в Солнечную систему, в той или иной мере движутся: Солнце совершает вращательное движение, планеты, кроме собственного вращения, перемещаются вокруг Солнца по эллиптическим орбитам, наконец, спутники планет вращаются вокруг последних. Однако все это разнообразное и непрерывное упорядоченное (связное) движение также никаким образом не приводит к изменению Солнечной системы как определенного явления со всеми его качественными и количественными свойствами и признаками.

3) Совокупность жестко связанных тел (твердое тело). Поскольку тело остается самотождественным во времени, то, вообще говоря, не имеет никакого значения, взаимно неподвижны его части или в какой-то мере взаимно движутся. Действительно, если тело неизменно самотождественно, а это так, то движение его частей во всяком случае таково, что никак не нарушает этой самотождественности.

Таким образом, движение, во-первых, само по себе *не является изменением вещей и мира*, во-вторых, не является *причиной* такого изменения. Но что же в таком случае есть изменение как таковое и что является его причиной?

Г2) Изменение

Чтобы разобраться в этом, введем понятие *объективного события*, т.е. такого события, в результате которого вещи возникают, исчезают, превращаются в другие вещи, соединяются в новую вещь или распадаются, приобретают какие-то новые свойства или утрачивают прежние, иными словами, объективное событие есть изменение *качественное*. А поскольку мы установили, что механическая вещь по определению не содержит в самой себе потенций к самоизменению, то она может изменяться только пассивно, под действием внешних причин. Иными словами, собственная активность вещей как причина их изменения должна быть отброшена сразу.

Очевидно, внешняя причина может быть двух родов: либо, как и в случае со связывающими силами, это *трансцендентная* инстанция, либо – *случайность*. Первый род причин обсуждения не требует, а относительно второго необходимо сказать следующее. Если с вещами происходят объективные события, т.е. вещи подвержены качественным изменениям, и при этом абсолютно пассивны, безучастны, отчуждены от объективных событий и их причин или, иначе говоря, не находятся ни в каком отношении необходимости к объективному событию и его причине, то, следовательно, причина объективного события и само объективное событие *случайны* по отношению к вещи. Таким образом, если объективное событие и его причина носят случайный характер, то вещь оказывается «непричастной» ко всякому качественному изменению, которое с ней происходит, или объективному событию, в котором она присутствует.

Справедливость сказанного легко понять, если обратить внимание на некоторые общие и вполне очевидные свойства случайного события как такового.

Во-первых, понятно, что ни одна из причин случайного события, ни один из участвующих в нем объектов, какую бы роль эти объекты в нем ни играли (т.е. независимо от того, выступают ли они как подвергающиеся изменению или как изменяющие), никак не детерминируют случайное событие по определению, т.е. поскольку оно именно случайно: совершенно неважно, сам ли я бросаю монету или кто-либо по моей просьбе, – для меня важен случайный результат, с помощью которого я совершаю выбор, т.е. мне просто нужна стохастическая машина и я слежу, чтобы она была именно стохастической. Подобным же образом неважно, каковы именно причины и участники случайного события, ибо в силу своей случайности оно, это событие, является внешним, чуждым, безразличным даже по отношению к собственным причинам и участникам. В противном случае, т.е. если бы характер причин и участников имел значение, то возникала бы та или иная детерминация события, а значит, последнее перестало бы быть случайным. *Во-вторых*, столь же понятно, что не только случайное событие не детерминировано своими причинами и участвующими в нем вещами, но равным образом и результаты случайного события также не детерминированы этим случайным событием опять же в силу того, что оно случайно: поскольку исход случайного события произволен, то, следовательно, случайность не детерминирует то, что вновь возникает, но лишь нарушает то, что ему предшествовало. Новое, таким образом, не связано со случайным событием по существу и не вытекает из него необходимо, но само по себе становится в силу тех или иных вновь возникших свойств. Таким образом, из всего сказанного здесь необходимо следует, что *случайность есть единственная подлинно механическая причина изменения мира и вещей*.

Не надо думать, однако, что качественные изменения сущего, вызываемые случайными событиями, существенно нарушают самотождественную неизменность мира и вещей: поскольку направления изменений в результате случайности произвольны, то в больших событийных последовательностях мир никуда не движется и не изменяется в целом, а вещи в нем, проходя все возможные превращения, вечно «возвращаются на круги своя». Таким образом, мы получаем текучий, движущийся и превращающийся и

вместе с тем неизменный, самотождественный во времени мир (впрочем, сделав одно простое допущение, мы получим эволюционирующий мир).

Д) Субъект

Таким образом, мы должны применить к человеческому субъекту отношение абсолютного обособления, учитывая, что это отношение может реализовываться пассивным или активным образом.

Понятно, что человеческий индивид (сообщество индивидов) – не совсем одно и то же, что человеческий субъект. Во всяком случае философская традиция обычно различает здесь разные стороны одного и того же предмета: в первом случае – по преимуществу объектную, вещную сторону человеческой природы, во втором – ее идеальную сторону. Поэтому мы разделим наше обсуждение «механистической» концепции человеческого субъекта на три части: индивид; собственно субъект; субъект и объект.

Д1) Индивид

Пассивная форма. Изначально человеческий индивид абсолютно обособлен и отделен от других индивидов. Это – «дикое состояние». Затем на основе установлений мирового трансцендентного субъекта индивиды соединяются в общество, роли в котором распределяются в соответствии с индивидуальным набором свойств (качеств), врожденных или приобретенных индивидом, главными из которых выступают высшие из них, понимаемые как сущность мирового трансцендентного субъекта – дух, разум. Понятно, что в случае отрицания Бога мировым трансцендентным субъектом необходимо становится разум. Однако это неустойчивое состояние, ведущее к переходу в активную форму.

Активная форма. Как и в первом случае, изначально человеческий индивид абсолютно обособлен от других индивидов. Однако поскольку он обособлен не внешним образом, а вследствие внутренней активности, т.е. существует сам по себе и из себя, то тем самым актуализируются все его действительные и необходимые отношения с миром, в результате чего обнаруживается, что этот индивид имеет *абсолютное* внешнее условие существования: необходимость в постоянном потреблении вещества и энергии. В силу этого абсолютного условия существования, неоднородности и разнообразия среды обитания по свойствам (выгодам и плодам), а также различий между самими индивидами последние оказываются необходимо связаны со средой и друг с другом, и эта необходимая связь заключается в добычании средств существования и обмене этими средствами между индивидами. Таким образом, абсолютная обособленность индивида подрывается в самом своем основании объективной его связью со средой и другими индивидами. Но отсюда не вытекает условность, недействительность и тем более отсутствие обособленности индивида, поскольку она по отношению ко всем этим обстоятельствам первична.

Далее. Из абсолютного условия существования индивида вытекает его нужда и забота о собственном существовании. В силу этого, а также вследствие размножения индивидов, различий между ними и неоднородности среды обитания может возникать и возникает *борьба* между индивидами за средства существования, что неизбежно порождает вражду и насилие, угрожающие существованию последних. Противоречие это, однако, разрешимо *соглашением*: поскольку императив *самосохранения* выше текущей борьбы за средства существования (ибо в силу моей абсолютной обособленности единственное, что у меня действительно есть – это я сам, моя жизнь), постольку индивиды вступают в кооперацию, устанавливают над собою *Закон* и даже *жертвуют* на общее благо. Так возникают институты: экономические, социальные, политические, юридические, моральные. Но т.к. индивид и мир абсолютно обособлены друг от друга, то они не могут вступать в существенную связь, но только в механическую, внешнюю. Поэтому Закон всегда относится к индивиду как чуждая, механическая сила и индивид соответствует Закону лишь внешним образом, видимыми признаками и лишь до той черты, до которой Закон действует. Ибо абсолютно нельзя узнать, каков индивид внутри себя, каков он на самом деле, и поэтому совершенно безразлично, как он поступает за рамками Закона – там, где он свободен.

Понятно, что абсолютное условие существования индивида задает абсолютность его нужды, зависимости и несвободы. Поэтому индивид, имеющий более средств существования, более свободен и более субъект (ближе к идеалу абсолютной обособленности, отчужденности, независимости от чего бы то ни было), т.е. *количество* средств существования есть *мера* его свободы и субъектности. Следовательно, соглашение (Закон) лишь относительно снимает противоречие между стремлением индивидов приобретать средства существования и столкновением этих стремлений (борьбой индивидов за средства существования), ибо такое стремление неограниченно и потребность в его удовлетворении ненасытаема, что необходимо вытекает из непреодолимого противоречия между абсолютным отношением обособления и абсолютным условием существования. Отсюда возникает особый, сакрально-онтологический статус стяжательства, скарденности, денег и власти над людьми и миром (в последнем случае имеется ввиду власть над мирозданием, над всеми силами природы; т.к. это есть путь, который позволяет достигнуть максимального из всех мыслимых освобождения от абсолютной зависимости и, соответственно, максимального из мыслимых приближения к идеалу обособленности от чего бы то ни было). Таким образом, существование индивида представляет собою бегство от небытия (ибо без ресурсов он погибает) к несвободе (ибо сколько бы ресурсов он ни имел, свободы не достигает).

Д2) Собственно субъект

Отличая человеческий субъект от человеческого индивида, мы, конечно же, подчеркиваем деятельностный и духовный аспекты человеческой реальности: способность человека к произвольной целенаправленной активности и познавательной деятельности. Таким образом, говоря о субъекте, мы более

всего говорим о его структуре: о человеческом «Я», о сознании и мышлении, о духе, воле, чувстве, о желании и эмоции. Следовательно, теперь мы должны трактовать с «механистической» точки зрения именно эти явления.

Вообще говоря понятно, что человеческий индивид есть сумма частей и свойств, каждое из которых абсолютно обособлено от всего другого и самотождественно во времени. Но рассмотрим вопрос по порядку.

Пассивная форма. Изначально индивид может различить в себе две части: видимую, вещественную – *тело* – и невидимую, невещественную, но ощущаемую и сознаваемую – *дух, разум, сознание*. А поскольку мировой трансцендентный субъект есть главенствующее мировое начало, разделяющее и соединяющее, созидающее и устрояющее мир по своему произволу и плану, а также поскольку дух и разум ощущаются индивидом как его главенствующие, также абсолютно свободные начала, которые, подобно мировому трансцендентному субъекту, созидают и устрояют доступный индивиду мир, то человеческие дух и разум, в силу своей абсолютной обособленности от всего материального, необходимо занимают в отношении последнего положение мирового трансцендентного субъекта если не практически, то, во всяком случае, теоретически (как мы уже говорили, при отрицании Бога трансцендентное положение духа и разума утрачивает свое обоснование и становится неустойчивым, что приводит к переходу субъекта в активную форму).

Понятно, что человеческие дух и разум, будучи главенствующими началами индивида, должны подчинять себе и упорядочивать не только окружающий мир, но и остальные части индивида (тело с его потребностями, вожелениями и страстями), подобно тому, как мировой трансцендентный субъект подчиняет себе и упорядочивает косный мир с его стихиями.

Активная форма. В отсутствии мирового трансцендентного субъекта абсолютно обособленный индивид находит, что является *единственным действительным субъектом бытия*. Вследствие этого самая глубокая граница возникает не внутри индивида, – при том что он остается внутри себя механической суммой частей, каждая из которых абсолютно обособлена, – а между индивидом и внешним миром, что порождает, вообще говоря, двоякую ситуацию.

С одной стороны, индивид, окруженный мертвой механической *пустотой* абсолютно чуждого мира, очень остро ощущает себя как *живое*, имеющее в себе активные начала – душу, дух, сознание, разум; остро чувствует свою собственную *жизнь, жизненное движение*. С другой стороны, над индивидом, над его жизнью властвует материальная, объективная *связь* с этим абсолютно отчужденным миром, ставящая его в безысходную и непреодолимую зависимость (см. пункт Д1). Таким образом, поскольку жизненная, телесная сторона индивида приобретает существенную и в значительной степени определяющую роль, то все многообразие его свойств необходимо относится к его объективной связи с миром, а значит, к свойствам неотменяемым и устанавливающим эту его объективную зависимость – к элементарным потребностям и инстинктам. Понятно, что эти элементарные свойства выступают для индивида как сущностные (не как руководящая инстанция, а как фундаментальные основания, первичные причины и движущие силы его деятельности). Поэтому противоречие между телом и духом здесь коренным образом преобразуется и выступает как противоречие между жизнью индивида и всем прочим, что ею не является или выступает лишь как некоторое необязательное, ненужное, а то и мешающее, противоречащее жизни прибавление к ней.

Д3) Субъект и объект

Наконец, нам осталось рассмотреть отношение «механистического» субъекта и объекта. Однако поскольку активная форма здесь вообще не может быть построена, а значит, не может быть рассмотрено *дейтельное* отношение субъекта и объекта, то обсуждать мы можем только то, что реализуемо в данном случае, т.е. пассивную форму, которая позволяет рассмотреть только познавательное их отношение, хотя и это последнее возможно представить в данном случае лишь с известными натяжками.

Сразу понятно, что субъект и объект абсолютно обособлены друг от друга и разделены пустотой. Поэтому все, что доступно субъекту в объекте, это внешние признаки последнего (то, что мы именуем *явлением*, т.е. тем, что нам явлено), изучая которые, субъект может строить гипотезы о сущности (причинах и основаниях) объекта, если, конечно, эти признаки имеют какое-либо отношение к сущности последнего (вообще говоря, первое и второе не должны быть никаким образом связаны постольку, поскольку мы имеем дело с механическим объектом). Впрочем, т.к. все доступные нашему непосредственному опыту объекты есть системы, мы можем изучать свойства элементарных частей этих систем и «собирать» из них свойства систем. Таким образом, двигаясь с двух сторон – со стороны исследования внешних признаков системы и со стороны ее «сборки» из элементарных частей, – мы можем надеяться на познание ее сущности.

Итак, непосредственно нам даны только признаки, устойчивую совокупность которых мы определяем как объект. Но признаки – это то, что мы сами замечаем в реальности и каким-то образом осмысливаем. Из этих двух обстоятельств вытекает: 1) объект всегда субъективен, ибо зависит от того, сколько и каких признаков его мы заметили и как их поняли; 2) в объекте нельзя установить различие между объективным и субъективным, ибо нам не дано ничего кроме признаков объекта, которые мы же замечаем и осмысливаем; 3) мы не знаем и не можем узнать, каков объект «на самом деле», сам по себе, без наблюдающего субъекта, и существует ли он сам по себе. Из сказанного следует, что каждому из субъектов, наблюдающих один и тот же объект, дан свой объект. Однако помимо рассмотренных субъективных моментов в этой ситуации наличествует также и объективный момент, возникающий из того обстоятельства, что каждый субъект занимает в реальности свое место, отличное от места другого субъекта, и, следовательно, воспринимает объект со своего единственного места. Таким образом, чтобы образовать общезначимое высказывание об

объекте, субъект должен предложить концепцию объекта (определение, трактовку, модель), обязательно указав исходные данные (что, собственно, я вижу) и принципы составления концепции (характер моей субъективности), а также правила перехода от одной точки зрения к другой.

Надо сказать, что эти соображения имеют для познавательной деятельности «механистического» субъекта весьма важное значение, ибо в механическом мире проблематичны все без исключения аспекты познавательной деятельности. В самом деле, рассмотрим акт механического восприятия. Прежде всего следует отметить, что такое восприятие осуществляется без участия субъекта и помимо него, но просто в силу наличия и функционирования органов чувств (ибо субъект обособлен от организма, и в том числе от органов чувств), т.е. механическое восприятие *пассивно* и, следовательно, оно получает из реальности и доставляет субъекту только то, что *явлено* этому восприятию.

Но что же может быть доставлено субъекту из реальности, в которой все обособлено и никак не связано между собой, и в том числе все без исключения агенты между реальностью и субъектом тоже никак не связаны между собой? По существу субъект, находящийся в механическом мире, не может быть твердо уверен, что, скажем, в случае зрительного восприятия имеется удовлетворительное соответствие между действительной внешностью объекта и отражающимся от этой внешности светом; что человеческий глаз воспринимает свет таковым, каков он есть сам по себе; что нервные сигналы, поступающие в мозг от глаза, несут информацию именно о том, что воспринял глаз; что образ, возникающий в мозгу, соответствует сигналам, пришедшим от глаза; что, наконец, мысли по поводу этого образа имеют к нему хотя бы некоторое отношение.

Далее. То же самое следует сказать и об акте «механистического» мышления: кроме абсолютной обособленности последнего от всех остальных частей индивида, сам акт мышления имеет в самом себе абсолютные взаимные обособления предмета мысли, собственно мысли, высказывания, знака, смысла, каждый из которых выступает здесь абсолютно отдельно и не входит ни в какие необходимые отношения с другими.

Таким образом, реальность, восприятие и мышление абсолютно обособлены друг от друга. Отсюда следует, что на вопрос о возможности и сущности познания мы можем дать четыре равно допустимых ответа.

1) Поскольку нет связи между ощущением и мышлением, мы можем считать познанием только чувственный опыт как опыт непосредственного восприятия реальности, а мышление должно дискредитировать как спекуляцию, лежащую за пределами реальности и лишенную какой-либо познавательной силы.

2) Так как познание представляет собой деятельность абсолютно обособленного от всего «чистого» мышления, то познавательный акт есть постижение истины посредством «чистого» усмотрения. А поскольку между реальной вещью и познающим субъектом имеется «непереходимая пропасть», то непосредственно данные нам вещи есть только феномены нашего сознания.

3) Мир, сущее, бытие непознаваемы в принципе.

4) Мир, реальность, действительность вне нас есть фикция; единственная подлинная реальность – это наша внутренняя реальность.

Разумеется, представленные ответы есть самые первые, «чистые» решения и можно заметить множество переходных и смешанных форм. Впрочем, сюда следует прибавить также «наивное» (по определению Э. Гуссерля) решение, трактующее восприятие и познание как *буквальное механическое отражение, «отпечатывание»*.

5) Мир как некая самодвижущаяся механическая совокупность вещей познаваем несомненно, вещи являются нам такими, какие они есть на самом деле; сущность же этого мира нам очевидна (см. пункты А-Д2), – нужно только исследовать и описать формы ее воплощения.

Итак, мы описали основные логические следствия из отношения абсолютного обособления, примененного к абстракциям, которые в силу своей предельной общности выступают в нашем сознании как «очевидности». Выведение структуры предельно общих абстракций из деятельного отношения субъектности правомерно в силу наличия здесь *действительной* связи: чем более общие абстракции мы себе задаем, чем дальше уходим от конкретных объектов с их бесконечным разнообразием признаков и свойств, тем менее мы смотрим на какие-либо конкретные объекты и тем более «спрашиваем у себя самого», что такое вещь вообще, т.е. выясняем, как мы воспринимаем вещь вообще, и тем самым затрагиваем свое предельно общее *деятельное отношение* ко всякой вещи (поскольку вещи нам даны в деятельности или, вернее говоря, мы *берем* их в деятельности, *овладеваем* ими), т.е. отношение нашей *субъектности* к вещам, находящееся «на границе» нас как субъекта деятельности и мира со всеми этими вещами.

Можно заметить, между тем, что все выведенные нами из отношения абсолютного обособления логические построения изоморфны тем или иным концептам, играющим весьма существенную роль в философии или входящим в основы фундаментальной науки. Кроме того, особенно примечательно, что варианты *активных форм* реализации отношения явно выходят за концептуальные рамки классической эпохи и тяготеют к периоду XIX-XX столетий, т.е. к современным формам мышления.

В связи с этим весьма интересно рассмотреть эти концепты с целью прояснения указанного сходства или его опровержения и исследовать вопрос о приложимости выдвигаемого здесь критерия «механицизма» к современному мышлению. Решение этой задачи, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Напоследок выскажем одно соображение. Какая мера структурного сходства представленной формальной модели и конкретной философской или научной концепции может считаться удовлетворительной? На наш взгляд, удовлетворительным будет выявление *общей структурной изоморфности* конкретной концепции и формальной модели или, во всяком случае, *общей изоморфности типов реальности*, вытекающих из концепции и модели. Последнее объясняется тем, что исходные посылки конкретных концепций могут заметно различаться между собой, в том числе отличаться от следствий, выводимых из отношения абсолютного обособления, и вообще могут быть гораздо шире реализуемых с их помощью структур; так что даже может быть не вполне понятно, почему из столь разных, а тем более взаимоисключающих посылок выводится одинаковая структура реальности, совпадающая к тому же с реальностью, описываемой в формальной модели. Однако все это говорит лишь о том, что *действительные* основания мышления исследователя не совпадают с его теоретическими посылками, и именно поэтому необходимым и достаточным критерием, подтверждающим единое основание конкретной концепции и формальной модели, является их общая структурная изоморфность или изоморфность возникающих из них типов реальности.